

Глава 10. Орден Небесного Пути

Когда Цзянь Мянью выскочил за ворота, паланкин свахи уже скрылся вдали.

Благодаря своему острому слуху он всё же уловил долетавшие из глубины носилок сокрушённые вздохи:

— Эх, какая жалость... Будь этот молодой человек не таким доходягой, я бы мигом подыскала ему славную девицу. Вышла бы идеальная пара.

— И то правда, — поддакнул один из носильщиков. — Истинная правда, жаль парня.

— Ну да ладно, — философски рассудила сваха. — Всё к лучшему. Если удастся провернуть дельце, ради которого я сейчас еду, куш будет куда солиднее. Поднажмите, ребята! Заглянем в «Павильон небесных ароматов», съедим по чашке лапши. Я так намаялась, что в животе урчит.

Цзянь Мянью: «...»

Недоразумение вышло вселенского масштаба! Вернитесь и дайте мне объясниться!

Однако момент был упущен. Сваха уехала слишком далеко, а на улице всё ещё толпились любопытные зеваки. Выбегать вслед и кричать на весь город было бы верхом глупости — только новых слухов наплодишь.

Цзянь Мянью вернулся во двор и с треском захлопнул тяжёлые створки ворот, отсекая дом от чужих навязчивых взглядов.

За спиной послышались неторопливые шаги. Цзянь Мянью, чувствуя, как внутри всё закипает, резко обернулся и, едва сдерживаясь, процедил сквозь зубы:

— С чего вы вообще взяли... что я собрался жениться?

— Она сама пришла, — Цинь Уцзю выглядел на редкость невинно. Словно что-то вспомнив, он с сомнением добавил: — Разве Мянью-эр только что не согласился со всем, что она говорила?

— Это было потому, что... — Цзянь Мянью осёкся, чувствуя навалившуюся усталость. — Забудьте.

«Чистой воды нелепица. Вот припрётся она в следующий раз — тогда и расставлю все точки над "i"», — решил он. Но вскоре понял, что такой возможности ему не представится.

На следующий день, приготовив обед, Цзянь Мянй отправился звать Цинь Уцзю к столу и застал того в саду. Младший шишу сидел за каменным столом, задумчиво рассматривая какой-то свиток.

Неужели это та самая?..

Цинь Уцзю не заставил его долго мучиться догадками:

— А ведь сваха не солгала. Девушка и впрямь недурна собой.

— Раз так приглянулась младшему шишу — сами на ней и женитесь! — выпалил Цзянь Мянй.

Развернувшись на каблуках, он скрылся в своей комнате и громко захлопнул дверь.

Цзянь Мянй, конечно, понимал, что Цинь Уцзю просто подтрунивает над ним и не собирается на самом деле подыскивать ему невесту, но обида всё равно взяла своё. Протестовал он просто и наглядно: объявил младшему шишу полный бойкот.

Обеды и ужины он готовил исправно, в положенное время стучал в дверь к Цинь Уцзю, призывая в столовую, но за едой не проронил ни слова.

Того, впрочем, это нисколько не задевало. Раз Цзянь Мянй молчит, то и Цинь Уцзю не спешил открывать рот — они словно состязались в том, кто первым не выдержит и нарушит тишину.

Несмотря на дурное расположение духа, Цзянь Мянй не забросил ежедневные тренировки, а в свободное время по привычке почитывал разные книжки. На его столе теперь лежала карта, купленная в лавке по случаю.

Мир, в котором он оказался, был поистине необъятным. Помимо городов и весей, на карте были отмечены великие священные горы — обители тех, кто избрал путь совершенствования.

Для Цзянь Мянйа это был загадочный, манящий мир, в котором он ещё не успел сделать ни шагу, и сердце его наполнилось трепетным предвкушением.

Жажда странствий вновь захлестнула его, и сопротивляться ей было выше его сил. «У младшего шишу денег в достатке, да и здоровье поправилось, — рассуждал он. — Сам о себе позаботится. Жил же он как-то один до моего появления, не пропадёт и сейчас».

Что же до той шестёрки мстителей... Они затихли и, скорее всего, больше не сунутся.

Ночь — время импульсивных решений, а затянувшаяся ссора с Цинь Уцзю только подливала

масла в огонь.

«Я ухожу!»

Вещей у него было немного: пара сменных одежд да верный меч. Цзянь Мянью оставил на столе записку с благодарностью за всё, что младший шишу для него сделал, и положил рядом ключ от сокровищницы.

Подхватив узел, он выскользнул из комнаты, но не успел сделать и шага к воротам, как заметил на крыше несколько крадущихся теней.

Цзянь Мянью замер.

Долго думать не пришлось. Он бесшумно скользнул в тень. Посмотрим, кого это принесло в такой час.

Шестеро чудовищ горы Юндан, хоть и были в прошлый раз напуганы до смерти, так просто смириться с позором не могли.

Тогда они видели Цинь Уцзю лишь издали, он даже пальцем не пошевелил. А вдруг он просто набивал себе цену? Вернуться ни с чем, поджав хвосты, — значит стать посмешищем для всего заклинательского мира.

Посоветовавшись, братья решили дождаться глухой ночи и нанести ответный визит.

Первыми на разведку отправили Третьего и Четвёртого. Едва они ступили на плиты двора, как они, не успев даже приблизиться к спальне Цинь Уцзю, ощутили за спинами мощный порыв ледяного ветра.

Нервы у обоих были натянуты как струны — любой шорох казался им смертным приговором. Почувствовав колебание духовной энергии, они взвыли от ужаса и бросились наутёк, позорно сверкая пятками.

Один из них, взлетая на крышу, неловко задел черепицу, замахал руками в воздухе и, окончательно потеряв равновесие, мешком рухнул вниз.

Оставшиеся четверо, ожидавшие за стеной, едва успели подхватить незадачливого брата.

— Четвёртый, что стряслось?! — зашипели они.

— Слухи... ложь! — выдохнул тот, бледный как полотно. — Сила при нём! Бежим... бежим скорее!

Рядом дрожал Третий, баюкая окровавленную руку. По его лицу катились слёзы. Ещё секунда — и он бы остался там навечно.

Однорукий босс медлить не стал:

— Уходим!

В тени двора Цзянь Мянью опустил руку. Не прошло и мгновения, а Шесть чудовищ уже скрылись из виду, удирая так искренне, будто за ними гнались все демоны преисподней разом.

Цзянь Мянью не знал, то ли смеяться над их трусостью, то ли поражаться тому, какой ужас внушает одно имя его младшего шишу.

Он бросил взгляд на плотно закрытую дверь комнаты Цинь Уцзю. Там царил тишина — похоже, его не разбудили. Не теряя времени, Цзянь Мянью бросился вдогонку за беглецами. Нужно было покончить с этим раз и навсегда, иначе эти идиоты так и будут шастать сюда через день.

Он следовал за ними до самой окраины города, но прежде чем Шесть чудовищ успели миновать ворота, они буквально налетели на отряд, входивший в город.

Люди в белых одеждах, с мечами за спинами, шли ровным строем. От их поступи веяло железной дисциплиной и ледяной мощью.

Днём такое шествие могло бы показаться величественным, почти божественным, но в безмолвии ночи строй призрачно-белых фигур на пустой улице выглядел по-настоящему жутко.

Притаившийся на карнизе Цзянь Мянью наблюдал за тем, как Шесть чудовищ горы Юньдан, едва завидев этот отряд, разом рухнули на колени. Из донёшегося шёпота он вычленил лишь одно название: «Орден Небесного Пути».

Орден Небесного Пути?

Наверняка какой-то могущественный клан заклинателей. В тех книгах, что он успел прочесть, о них не было ни слова — видимо, торговец всё же подsunул ему дешёвую макулатуру. «Вот вернусь — устрою ему разнос», — подумал Цзянь Мянью.

Но мысли его тут же вернулись к реальности. Юньданские чудовища стояли, не смея поднять

голов.

В центре процессии несли паланкин. За тонкими занавесями угадывался белый силуэт, но разглядеть лицо было невозможно.

Кто бы это ни был, гонор у них был непомерный. Что забыли здесь заклинатели такого уровня? Фэнчжоу — город обычных людей, до их горных обителей отсюда путь неблизкий.

Цзянь Мянью скользнул взглядом по дрожащим спинам Шести чудовищ. Неужели и эти явились за головой младшего шишу? От этой мысли стало не по себе.

Он затаил дыхание, стараясь разобрать обрывки разговора.

— Глава ордена Шэнь... Уцзю... живёт... — донеслось снизу.

— Пощадите... — лепетали чудовища.

Сердце Цзянь Мянью пропустило удар. Точно, они здесь из-за младшего шишу!

Судя по всему, этот отряд был куда опаснее всех предыдущих мстителей вместе взятых. Настоящая элита. А младший шишу сейчас слаб и беззащитен, против таких ему не выстоять. Да и сам Цзянь Мянью — всего лишь новичок с крохами духовной энергии.

«Надо уводить его отсюда. Немедленно!»

Но стоило ему шевельнуться, как человек в паланкине почувствовал его ауру.

Взмах рукава — и три золотых стрелы, сотканые из чистой энергии, с гулом распорили ночной воздух. Цзянь Мянью не решился принять удар и бросился в сторону, но стрелы, словно живые существа, изменили траекторию и вновь устремились к нему.

Делать было нечего — он выхватил меч.

Раздался резкий металлический звон. Клинок, служивший ему верой и правдой несколько месяцев, разлетелся на куски. Цзянь Мянью попытался воспользоваться секундным замешательством, чтобы скрыться, но обломки золотых стрел вдруг рассыпались искрами и сплелись в сияющую верёвку, которая мгновенно опутала его тело.

Цзянь Мянью замер, чувствуя, как магические путы затягиваются всё туже. Что это за артефакт такой?! Против него нет спасения!

Невидимая сила рывком сдёрнула его с крыши. Видя, как стремительно приближаются воины Небесного Пути, Цзянь Мянью только и успел подумать: «Приплыли».

Приземлившись, он покачнулся, и его тут же грубо схватили под руки несколько учеников ордена.

В голове промелькнула горькая мысль: в нормальных историях герой сначала тренируется на слабых мобах, собирает экипировку и растёт в уровнях. А его угораздило в самом начале игры выскочить прямо на финального босса.

Ну и везунчик же ты, Цзянь Мянью.

Чудовища горы Юндан, увидев его, миг сообразили, чьих рук это дело. Их ярость вспыхнула с новой силой.

— Это ты! — взвизгнул один из них.

— Так это ты над нами измывался?! Ха! Я так и знал, Цинь Уцзю теперь — просто жалкий калека!

— Он и в прошлый раз не посмел выйти, всё ты, щенок, нам зубы заговаривал!

Если бы не аура людей из Небесного Пути, они бы растерзали Цзянь Мянью прямо на месте.

Выплеснув злобу, они повернулись к паланкину:

— Глава ордена Шэнь, этот негодяй — прихвостень Цинь Уцзю! Он помогал этому демону творить бесчинства. На его руках крови не меньше! В прошлый раз мы едва не убили Цинь Уцзю, но этот малый помешал нам!

Цзянь Мянью поднял глаза и увидел, что из паланкина вышел человек. Совсем молодой, лет двадцати пяти на вид, с резкими, точно высеченными из мрамора чертами лица. Его взгляд, подобный холодному блеску клинка, лучился властью и ледяным спокойствием. Белоснежные одежды только подчёркивали его суровую ауру великого мастера.

Он был красив, но эта красота пугала. Если Цинь Уцзю казался холодным из-за своего равнодушия к миру, то от этого человека веяло чем-то иным — затаённой, вековой горечью и льдом.

Он смотрел на Цзянь Мянью как на ничтожное насекомое, с нескрываемым отвращением и жадной расправы.

В этот миг Цзянь Мян почувствовал себя куском смердящей падали под ногами небожителя.

Мужчина заговорил и уронил всего два слова, прозвучавших холоднее зимней полночи:

— Казнить.

<http://bllate.org/book/17489/1709531>